

Н. В. Миколенко

Категориальный анализ эстетико-философской концепции М.М.Бахтина.

В статье изложены результаты исследования семантической структуры текстов М. М. Бахтина. С помощью метода контент-анализа сделана попытка реконструкции потребностно-мотивационного и ценностно-смыслового аспектов эстетико-философской концепции М. М. Бахтина, проанализированы логико-временная структурированность текстов мыслителя, выделены ключевые категории. Сделан вывод об отнесённости текстов М. М. Бахтина по структуре отражённой в них ментальности к традициям русской персоналистической культуры.

Постановка проблемы

Современный этап развития отечественной психологической науки отмечен возрастанием интереса её представителей к традициям собственной культуры и все больше отечественных психологов указывают на необходимость развивать практическую психологию как помощь соотечественнику, носителю целостного внутреннего мира с присущими ему ценностями ([8], [11], [21] и др.). Актуальным, в этой связи, становится обращение к отечественной философско-психологической мысли конца XIX - середины XX века, которая имеет мощный и почти совсем еще не раскрытый потенциал для решения проблемных вопросов психологии. Одной из наиболее востребованных теорией и практикой психологической помощи представляется концепция диалога, разработанная в трудах М.М.Бахтина. На сегодняшний день принято считать, что М.М.Бахтин заложил основы новой методологии современного гуманитарного знания. Как отмечает один из первооткрывателей Бахтина для западного читателя Ц.Тодоров, «...если к согласию о значимости Бахтина приходят довольно быстро, разногласия в истолковании его мысли не перестают расти» [20, с.4]. По выражению же одного из наиболее известных отечественных бахтинистов В.Махлина, «несмотря на огромную научную литературу... и околонуучную моду», на территорию проблем непонятого автора «почти вовсе ещё не ступала нога человека...»; исследователи Бахтина «не понимают даже того, что не понимают...» [16, с.14]. Сложность заключается в том, что

ключевые положения бахтинской концепции не изложены в текстах автора последовательно, а встречаются в разных работах и в разных смысловых контекстах. В связи с этим перед исследователем возникает проблема такой реконструкции идей М.М.Бахтина, при которой смысл, вкладываемый в них самим автором, не оказался бы искаженным. Целью предпринятого нами исследования является реконструкция семантической структуры текстов М.М.Бахтина, в частности, выделение системы ключевых понятий и лексических категорий.

Методы исследования

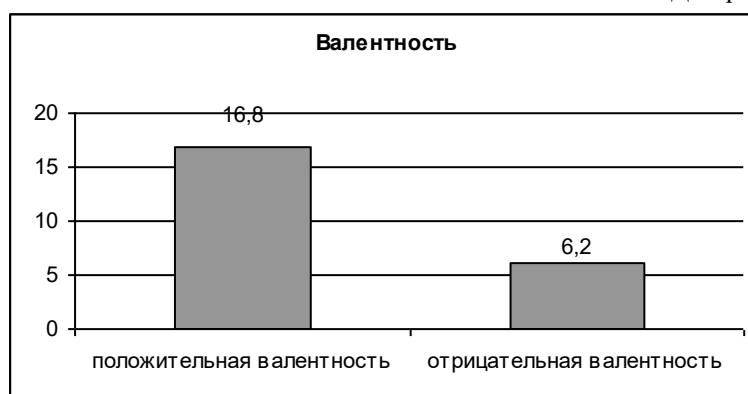
Исследование текстов производилось методом контент-анализа с помощью Психолингвистической экспертной системы ВААЛ. Компьютеризированная система позволяет оценить выраженность категорий в изучаемом тексте в сравнении с частотой их употребления средним носителем русского языка. Показателем выраженности категории выступает отклонение количества встретившихся слов данной категории от среднелексической нормы. Для исследования были отобраны наиболее известные тексты М.М.Бахтина разных периодов ([1], [3–7], [13], [14], [18]): первая работа Бахтина – статья «Искусство и ответственность»; работы «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности», «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве»; фрагмент работы «Проблемы поэтики Достоевского»; три работы, изданные под чужими именами: «Формальный метод в литературоведении», «Фрейдизм и современные направления философской и психологической мысли» (фрагмент), «Марксизм и философия языка» (фрагмент); заметки под названием «К методологии гуманитарных наук» – последняя работа мыслителя. Общее число слов в анализируемых текстах составило 52586.

Результаты исследования

Для анализа были избраны категории валентности, потребности, категории «Центра внимания», структура мотивов и инструментальной деятельности, категории операций.

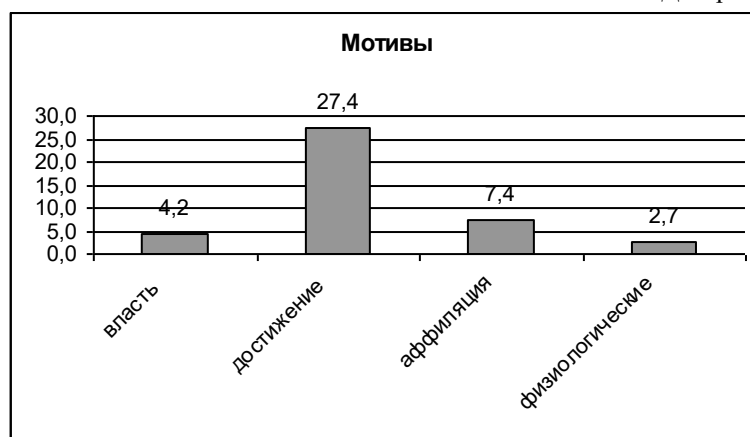
Категория **валентности** фиксирует тенденцию к выделению в окружающем мире позитивно либо негативно окрашенных объектов. Соотношение показателей позитивной и негативной валентности в анализируемых текстах (диагр.1) позволяет сделать вывод об оптимизме автора, об ощущении достижимости его целей в его восприятии. О том же свидетельствует выраженность в текстах символики жизни на фоне отрицательной оценки выраженности символики смерти.

Диагр.1

Система ВААЛ позволяет определять структуру **мотивов**, в которой выделяются физиологические мотивы, мотивы достижения, власти и аффиляции. При анализе структуры мотивов текстов М.М.Бахтина наиболее высокие оценки выраженности получили мотив достижения, интерпретируемый как потребность добиваться успеха, и мотив аффиляции – стремление к взаимопониманию, потребность в социальной поддержке (диагр.2).

Диагр. 2

Субкатегориями мотива достижения являются «достижение успеха» (в эту категорию входят такие слова как «решение», «искать», «успех», «действовать») и «избегание неудачи (слова «ошибка»,

«бедствие», «неудача», «избегать» и т.п.) Выраженность категории «достижения успеха», выделяемой в мотиве достижения, значительно превосходит парную к ней категорию «избегания неудачи», что, на наш взгляд, говорит о твёрдой убеждённости автора текстов в истинности отстаиваемой позиции. Перевес категории «достижения успеха» над категорией «избегания неудачи» может трактоваться также как приоритет целей будущего по сравнению с решением текущих проблем (диагр. 3).

Диагр. 3

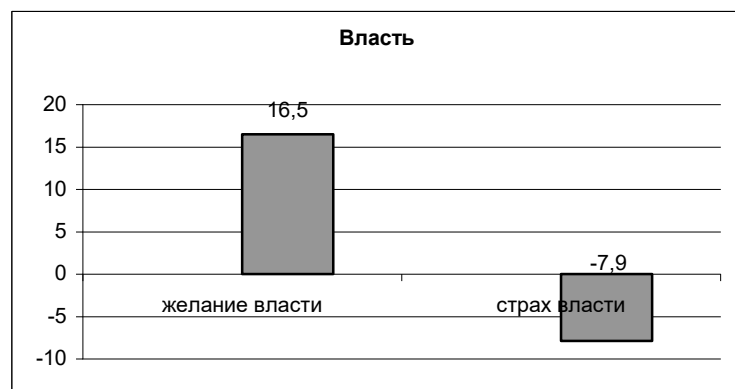
Мотив аффиляции включает в себя две категории: «надежда на поддержку» и «страх отвержения». В текстах М.М.Бахтина категория «надежда на поддержку» преобладает над категорией «страх отвержения»; последняя имеет отрицательную оценку (диагр.4). Результаты формального анализа текстов М.М.Бахтина в данном случае легко сопоставимы с их содержанием: общение (диалог), выступая одним из центральных в концепции автора понятий, имеет в ней однозначно позитивную эмоциональную окраску. Диалог, по Бахтину, является способом бытия человека в мире, быть – значит общаться.

Следующим по степени выраженности после достижения и аффиляции в текстах М.М.Бахтина оказывается мотив власти. К категории «власть» относятся слова, описывающие доминанту, содержанием которой является утверждение определённой позиции, установление своего влияния на другого человека или мир в целом. Составляющие мотива – «желание власти» и «страх власти» – получили резко отличные оценки (диагр.5).

Диагр.4

Диагр. 5

Высокий показатель выраженности категории «желание власти» изучаемых текстов может быть объяснён стремлением автора донести свою мысль до читателя, убедить его в правоте своей позиции. Отрицательный показатель категории «страх власти» (страх потерять власть) естественен в ситуации, когда человек не обладает реальной властью и, соответственно, не рискует её потерять. Другим аспектом мотива страха власти выступает страх влияния, власти по отношению к себе. В этом смысле отсутствие страха власти в исследуемых текстах хорошо согласуется со всем, что известно о биографии их автора и перекликается с оценкой выраженности в его текстах категории «независимость» (см. далее). М.М.Бахтин свободно философствовал в

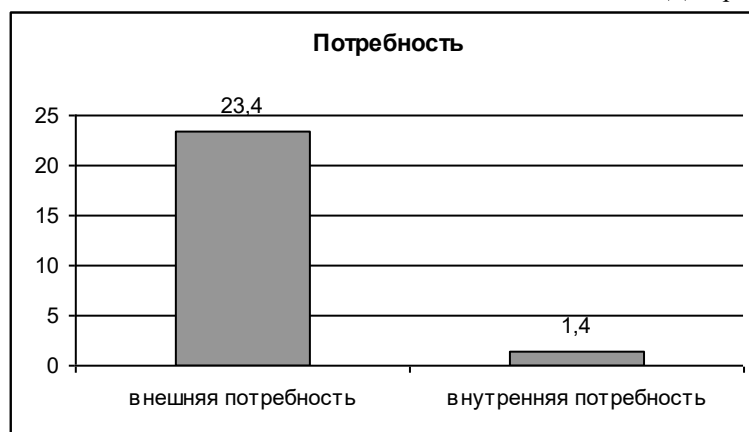
условиях идеологической цензуры, когда философствовать «было не просто трудно, а опасно для жизни» [9].

Категории **центра внимания** – «Я», «Ты-Вы», «Он-Она-Оно» – имеют отрицательные оценки. Особенно низкой оказалась выраженность категории «Ты-Вы», в то время, как представленность «Ты-Вы» как раз характерна для текстов, имеющих целью мотивировать адресата сообщения на какие-либо действия. В текстах же М.М.Бахтина действующие лица не определены. Это объясняется универсальной направленностью речи автора, его адресованностью не конкретным «Ты», а Другому вообще.

Категории **времени** («время до», «время после», «определённое время», «неопределённое время») получили низкие, в основном, даже отрицательные показатели выраженности. Это «отсутствие времени» в текстах М.М.Бахтина напоминает ситуацию, описываемую мыслителем в одной из его оригинальных категорий – понятии «большого времени», в котором происходит диалог столетий и тысячелетий, в противоположность «малому времени» – «современности и ближайшего прошлого и представимого – желаемого или пугающего – будущего» [4, с.369]. Как замечает В.Л.Махлин, «Бахтин — явление, не мотивированное самой историей, находящееся в иной плоскости, с плоскостью нашей действительности не пересекающееся... Он связан с малым временем советской истории совершенно случайными связями. Он укоренен в большом историческом или, может быть, даже космическом времени» [17, с.8].

Количество слов категории «внутренняя потребность» в текстах М.М.Бахтина незначительно отличается от среднестатистической нормы, в то время, как показатель категории «внешняя потребность» очень высокий (диагр. 6). Другими словами, М.М.Бахтин пишет не о желаниях действующих лиц, проявляющихся в использовании таких слов как «воля», «желать», «хотеть» и т.д., а о побуждениях, возникающих под влиянием обстоятельств и обязательств (в эту категорию входят слова «долг», «необходимость», «обязательство» и т.п.). Содержательный же анализ работ М.М.Бахтина позволяет уточнить: «внешняя потребность» у Бахтина определяется не столько обстоятельствами или мнениями других людей, сколько «долженствованием, исходящим из внутреннего убеждения индивида», – это, как считает Е.В.Волкова [12, с.14], значение бахтинского термина «нудительно», в отличие от «принудительно» – навязанного долженствования: «Я-единственный ни в один момент не могу быть безучастен в действительной и безысходно-нудительно-единственной жизни, я должен иметь долженствование; по отношению ко всему, каково бы оно ни было и в каких бы условиях ни было дано, я должен поступать со своего единственного места, хотя бы внутренне только

Диагр.6

поступать. Моя единственность как нудительное несовпадение ни с чем, что не есмь я, всегда делает возможным единственное и незаменимое действие мое по отношению ко всему, что не есмь я». [5, с.113].

Следующим этапом исследования является анализ выраженности различных категорий, относящихся к **операциям мышления**, в том числе логических операций («и», «или», «нет», «но»); операций сравнения («общность», «отличие», «подобие»); категорий организации событий («причина», «следствие» и «нарушение»).

Значительно выраженной в отличие от других оказалась логическая операция **сочетания (или)** (диагр.7). Это связано с вариативностью мышления автора, склонностью видеть многие возможности, видеть возможность выбора в любой ситуации. Об этой своеобразной особенности своего стиля говорил сам М.М.Бахтин: «Моя любовь к вариациям и к многообразию терминов к одному явлению. Множественность ракурсов» [2, с.360]. В другом месте этой же работы автор называет вариативность специфической особенностью гуманитарного знания: «Вряд ли можно говорить о необходимости в гуманитарных науках. Здесь научно можно только раскрыть *возможности и реализацию* одной из них» [2, с.344].

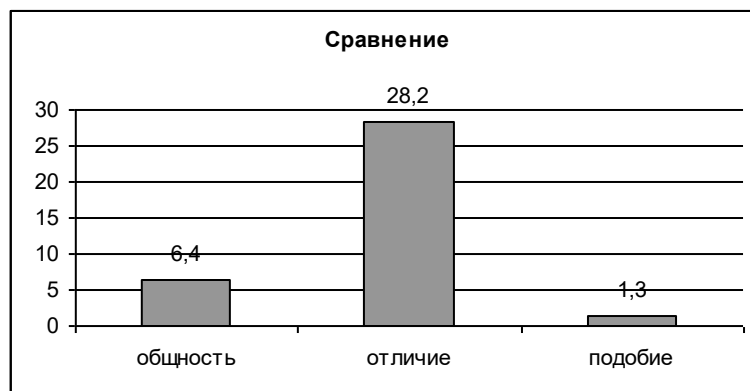
Операция **объединения (и)** занимает следующее место по степени выраженности – автор склонен видеть не одно, а одновременно несколько качеств в описываемых объектах, возможность сосуществования разных событий в одном пространстве и времени. Операция **объединения на условиях (но)** наименее характерна для Бахтина: ограничения возможностей, прерывания событий, мыслей, по-видимому, не свойственны картине мира мыслителя.

Диагр.7

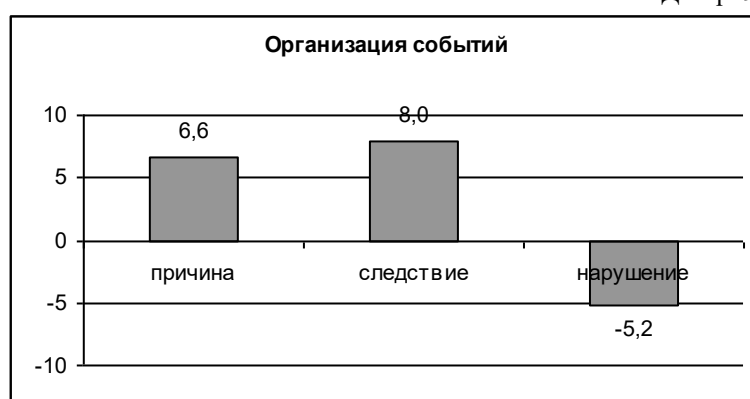
Среди операций сравнения значительно более других выраженным оказалось нахождение **отличий** (диагр.8). Наиболее ярким проявлением нахождения отличий в философской концепции М.М.Бахтина является одно из ключевых её понятий – «Другой». По Бахтину, форма я, в которой я переживаю себя, принципиально отлична от формы *другого*, в которой я переживаю всех других людей. В философии до Бахтина не было понятия «другого» как личности, незаместимой и значимой для меня именно в силу своей инаковости. По выражению Н.Б.Стояновича, М.М.Бахтину присуще острое чувство «дружости» другого [19].

Диагр.8

Категории организации событий «**причина**» и «**следствие**» получили почти одинаковые значительные оценки выраженности, резко отличающиеся от оценки категории «**нарушение**» (диагр. 9). Эти показатели свидетельствуют, на наш взгляд, о непрерывности и взаимосвязанности событий в картине мира автора текстов.

Диагр. 9

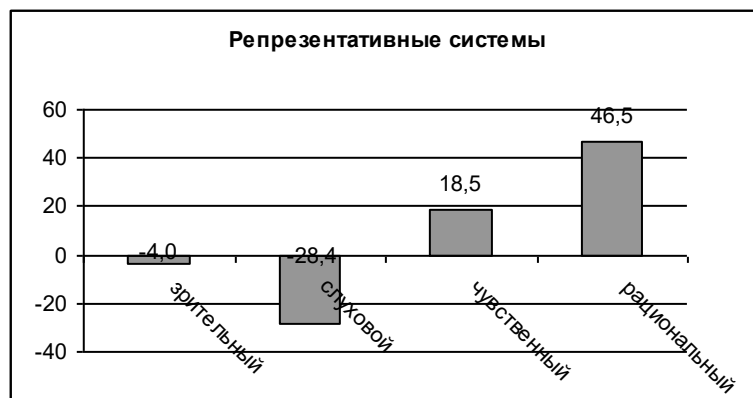

Из всех субкатегорий **инструментальной деятельности**, к которым относятся различные действия, описывающие способы достижения целей, (категории движения, перемещения, процессов восприятия, обработки и трансляции информации, манипуляции) позитивную оценку выраженности получила только субкатегория **манипуляции**, к которой относятся слова, описывающие действия и события, происходящие с материальными объектами. Этот результат, вероятно, является отражением склонности М.М.Бахтина использовать доступные чувственному опыту материальные объекты и действия с ними для описания абстрактных философских понятий. Ведущими репрезентативными системами, согласно результатам контент-анализа, являются рациональная и кинестетика (диагр.10).

Будучи рассмотренными вместе, эти результаты созвучны характеристике методологических установок М.М.Бахтина, данной И.Н.Фридманом. В результате соединения ориентации на классическую традицию философского конструирования на основе базисных субъектно-объектных отношений с использованием в качестве конкретной методологии «феноменологического описания ценностного сознания себя самого и сознания мною другого» [1, с.163], философские понятия оказываются лично окрашенными, «абстрактные базисные

категории оживают и становятся как бы «образами категорий», наполняясь содержанием интимного опыта» [22, с.80].

Диагр.10

Представляют интерес результаты, полученные относительно категорий **эмоционально-лексической оценки**. Наибольшие позитивные показатели выраженности, как видно из диагр. 11, имеют независимость, интеллект, экстраверсия, доброжелательность, правдивость. Отрицательные значения выраженности имеют категории агрессивность, практичность, доминантность, скрытность. На наш взгляд, эти результаты не нуждаются в комментариях.

Диагр.11

Согласно полученным результатам, в текстах Бахтина в значительной степени выражены все четыре системы ценностей (гностические, эстетические, этические и практические). Формально-структурный анализ текстов М.М.Бахтина показал явное преобладание экзистенциальных категорий: ценность, смысл, бытие, событие, позиция, поступок, творчество, этический, единственный, переживание, настоящее-будущее-прошлое (время). Таким образом, в текстах М.М.Бахтина, как в зеркале, отразились все основные свойства русской ментальности, какими они представлены в современных психологических исследованиях [8]. Непонимание этого, более того неузнавание собственной культуры, её лика в текстах русских мыслителей приводит к трагикомическим аллюзиям и приёмам толкования, когда, к примеру, концепция диалога М.М.Бахтина подаётся как отечественный аналог гуманистической психологии или самобытный, т.е. непохожий ни на что, и внепсихологический взгляд на человека и его взаимоотношения с другими [15, с. 51].

Выводы

1. Формально-лексический анализ текстов М.М.Бахтина по отнесённости их к универсальному частотному словарю анализируемых контекстов позволил в ряду мотивационных категорий концепции выделить следующие выраженные векторы: мотив достижения, соответствующий интенции к целенаправленной деятельности; мотив аффилиции, опредмечивающий такую абсолютную ценность русской культуры как «любовь»; мотив власти как переменную, детерминирующую утверждение определённой позиции автора в его отношениях с миром.
2. Среди лингвистических категорий центра внимания обращает себя внимание выраженная «безличность» текстов М.М.Бахтина, в чём, на наш взгляд, естественным образом проявляется не столько их обращённость к другому, сколько, скорее философско-безличный анализ, в том числе и Другого, как особой категории в целостном русле концепции. На наш взгляд, данное свойство текстов М.М.Бахтина ярко свидетельствует об их метакоммуникативном характере, чем, кстати, и объясняется сложность их толкования и анализа. Предмет анализа метапредметен.
3. Временные категории в текстах М.М.Бахтина не просто не выражены, они подчёркнуто исключены. Таким образом, данные тексты характеризуются «вневременностью», т.е. соотносимы с вечным, непреходящим. Иными словами, соотносимы психологическим временем, выражаемым наречием «всегда».

4. Обращает на себя внимание категория «потребность». В текстах М.М.Бахтина её выраженность, представленность характерна именно для означивания субъектности автора как источника и итога его деятельности, что находит отражение в противопоставлениях категорий «нудительности» как атрибута долженствования категории «принудительности» как атрибута подчинённости. Характерно, что это не пресловутая «свобода», а именно добровольно исполняемый долг как высшее измерение свободы.

5. Логическая структурированность текстов М.М.Бахтина выраженной дизъюнктивностью. Это означает, что авторская концепция ориентирована сущностно и истинностно, равно как и то обстоятельство, что тексты М.М.Бахтина логически и философски чрезвычайно нагружены. В частности, категория «Другой» выступает у него как «превращённая форма» «Я» на правах взаимосопоставимости. Логичность, но не столько формальная, сколько, если уместно так выразиться, в высшей степени диалектическая, проявляется и в других логических свойствах и связях текстов М.М.Бахтина, а также в чрезвычайно высоких нагрузках на рациональные каналы восприятия.

6. Независимость, интеллектуальность, экстраверсия, а также иные эмоционально-лексические оценки текстов М.М.Бахтина ярко свидетельствуют о том, что они по своему происхождению, структуре отражённой в них ментальности представляют собой неискажённую современной им эпохой и идеологией, ценностно-смысловую ткань русской персоналистической культуры.

7. Таким образом, на самом деле в анализе текстов и концепции М.М.Бахтина как его современники так и последующие исследователи столкнулись с трагикомической ситуацией – неузнанностью своего, родного. Ни в аспекте ценностно-смысловом, ни в аспекте бытийно-деятельностном. Углублённая разработка данной проблемы, проблемы неузнаваемости собственной культурной традиции, в том числе и в психологической практике – дальнейшая задача нашего исследования.

Литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С.7–180.
2. Бахтин М. М. Из записей 1970-1971 годов // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 336–360.
3. Бахтин М. М. Искусство и ответственность // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 5–6.
4. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 361–373.

5. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – С. 80–160.
6. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – С.26–89.
7. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
8. Бондаренко А. Ф. Понятийный тезаурус этического персонализма как русской традиции в психотерапии // Журнал практикующего психолога. – 2005. Вып. 11. – С. 39–48.
9. Боцаров А. Б. М. М. Бахтин: от филологии к философии, от металингвистики (метариторики) к философии языка.
10. <http://anthropology.ru/ru/texts/bocharov/>
11. Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. – М.: МГППУ; Смысл, 2003. – 240 с.
12. Волкова Е. В. Эстетика М. М.Бахтина. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
13. Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) Марксизм и философия языка. – М.: Лабиринт, 1993. – 206 с.
14. Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) Фрейдизм и современные направления философской и психологической мысли. – М.: Лабиринт, 1993. –118 с.
15. Копьев А. Ф. Взаимоотношение «Я» – «Другой» и его значение для практической психологии. К интегративной концепции психологической помощи // Московский психотерапевтический журнал. – 1999, № 2. – С. 48–60.
16. Махлин В. Л. Без кавычек // Вопросы литературы. – 2005, № 1. – С. 12–21.
17. Махлин В. Л. и др. Риторика поступка М. Бахтина: воспоминание о будущем или предсказание прошлого? – М., 1991. – 63 с.
18. Медведев П. Н. (Бахтин М. М.). Формальный метод в литературоведении. – М.: Лабиринт, 1993. – 189 с.
19. Стоянович Н. Б. Диалогическая природа морали // М.М.Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тезисы III Саранских международных Бахтинских чтений: В 2-х ч. Ч. I. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1995. – С. 204–206.
20. Тодоров Ц. Наследие Бахтина // Вопросы литературы. – 2005, № 1. – С. 3–11.
21. Фанталова Е. Б. «Русский катарсис» как феномен культуры и психотерапевтический приём // Журнал практикующего психолога. – 2003. Вып. 9. – С. 9–14.
22. Фридман И. Н. Карнавал в одиночку // Вопросы философии. – 1994, № 12. – С. 79–96.